УДК 94 (480)
УДК 94 (47).08

В. В. Лапин

Финляндия в военной системе Российской империи

Одной из важнейших проблем имперской истории является изучение механизмов взаимодействия частей многонационального и поликонфессионального государства, состоящего из территорий, различающихся по уровню и вектору своего культурного развития. Россия на протяжении всего периода своей имперской истории расширяла свои границы, что было сопряжено с расходом громадных материальных и людских ресурсов. Одной из причин кризиса державы Романовых в начале XX в. обоснованно называется неспособность эффективно использовать экономические возможности национальных регионов. Аналогичная ситуация сложилась и в военной сфере: правительству не удалось по различным причинам мобилизовать людской потенциал за пределами так называемых «русских губерний» (Великороссия, Украина и Белоруссия) в имперских целях. Финляндия — один из вариантов этой неудачи. В чем причины?

Финляндия была включена в состав империи в три приема. В 1721 г., после победы в Северной войне трофеем стал Карельский перешеек с крепостями Выборг и Кексгольм. После викторий в русско-шведской войне 1741–1743 гг. граница продвинулась еще на несколько десятков километров на запад и прошла по линии реки Кюммене. Наконец, в 1809 г. границей между Россией и Швецией стал Ботнический залив и река Торнео. Во время всех столкновений России и Швеции Финляндия становилась основным театром военных действий, а ее жители испытали все ужасы, с этим связанные. Жители Або выселились в Швецию в 1713 г. и вернулись только через восемь лет, после заклю-

чения мира[1]. Народная память сохранила примеры поистине средневековых жестокостей, что косвенно подтверждается приказами русского командования. Не лишено оснований мнение финского историка, что «предания, которые рассказывают о действиях русских войск во время оккупации, преувеличены, но не взяты из воздуха»[2]. В ходе войны 1808–1809 гг. русским пришлось иметь дело с партизанским движением. Войска безжалостно расправлялись с «бунтовщиками», некоторые районы были полностью опустошены. Крестьяне, в свою очередь, сжигали пленных живьем, рубили их топорами на мелкие части[3]. Память об упорной партизанской войне зимой 1808–1809 гг. заметна в работах офицеров Генерального штаба[4]. География края изучалась военными с точки зрения «обеспечения тыла»[5].

Отношение финляндского общества к России были отягощено воспоминаниями об ужасах прошедших войн. Эпоху после 1809 г. здесь стали называть «когда пришли русские». Даже в мирное время военные всегда и везде относились к гражданскому населению без особых церемоний (различия заключались лишь в уровне презрения к личности и собственности). За пределами так называемых «коренных русских губерний» «оккупационное» поведение влекло за собой особо тяжелые последствия. Генерал Армфельд в июне 1810 г. подал на высочайшее имя записку о проблемах размещения войск в Финляндии, в которой говорилось: «Политические и военные причины, вероятно, требуют, чтобы по деревням стояли войска, но мой долг ознакомить с неудобствами и последствиями такого постоя для будущего, если это должно продолжаться: не говоря уже о том, что крестьянин, и без того всегда дурно и тесно живущий в этих краях, стеснен и задыхается в своей избе от присутствия большого числа солдат, которых не в состоянии сдерживать самая строгая дисциплина, его семейство развращается, эпидемические болезни учащаются, а венерические распространяются настолько, что со временем будут заражены все последующие поколения и народонаселение незаметно начнет вымирать. Кроме того, при сильном огне, который надо разводить для печения хлеба солдатам в печах неудовлетворительной постройки, загораются деревни...»[6] Идея уменьшения численности русских войск, расквартированных в Финляндии, или даже полной

[1] Военно-статистическое обозрение Российской империи (далее — ВСОРИ). СПб., 1851. Т. 1. Ч. 3. С. 72.

[2] *Кувая Х.* Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713–1715 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. Материалы российско-финляндских симпозиумов историков. М., 2006. С. 198.

[3] *Бородкин М.* История Финляндии. Время Александра I. СПб., 1909. С. 148–155.

[4] *Медведев А.И.* Военно-статистическое обозрение пограничных театров. Курс старшего класса Николаевской Академии Генерального Штаба. СПб., 1908. Вып. 1. С. 158.

[5] *Золотарев А.М.* Военно-статистический очерк Финляндии. СПб., 1890. С. 9, 12, 132–134.

[6] Цит. по: *Бородкин М.* История Финляндии. Время императора Александра I. С. 451.

их замены финскими войсками была важной составляющей всех военных проектов, исходивших со стороны Гельсингфорса.

Несмотря на ожесточенность обеих сторон в войне 1808–1809 гг., после ее окончания не наблюдалось эксцессов, которые могли бы навести правительство на мысль о ненадежности финнов. Наоборот, благоприятное впечатление в Петербурге произвело то, что победа над Турцией в 1829 г. была отмечена балами и праздниками в нескольких городах Финляндии. В 1830–1831 гг. в Финляндии не было обнаружено проявлений симпатий к восставшим полякам, но значение этого факта несколько девальвируется курьезной историей, имевшей место при отправке на театр военных действий лейб-гвардии Финского стрелкового батальона. Один из унтер-офицеров публично пообещал застрелить десяток русских. Когда ему заметили, что он ошибся в противнике, солдат ответил, что он не видит большой разницы между русским и поляком[7].

Лояльность финляндцев была проверена во время Крымской войны. Англо-французская эскадра, крейсировавшая в Балтийском море, разорила несколько деревень и хуторов, а также прибрежные города Котка, Брагестад, Улеаборг и Раумо, сожгла деревянные строения Свеаборга. Финны потеряли 72 морских судна из 545 зарегистрированных, сотни ботов и лодок. Хотя во время бомбардировки Свеаборга союзники демонстративно щадили городские постройки, население края было раздражено их действиями. Финляндцы охотно жертвовали деньги на нужды армии, исправно выполняли постойную и подводную повинность, терпеливо сносили неудобства, связанные с присутствием войск. Сенат ассигновал значительные суммы на строительство 40 канонерских лодок. Случаи сотрудничества с противником ограничились согласием нескольких лоцманов с Аландских островов провести английские корабли по местным водным лабиринтам[8]. Николай I с большим удовольствием выслушал известие о бое в районе Витсанда 20 мая 1854 г., где отряд, в составе которого был финский батальон под командованием капитана А. Е. Рамсая, сорвал попытку англичан высадиться на берег. 9 солдат получили георгиевские кресты. В местечке Коккола вооруженные жители прогнали десант союзников и даже захватили вражеский баркас, ставший тамошним воинским памятником. Коммерции советник А. Доннер и крестьянин М. Г. Канкконен, участвовавшие в этом деле, были награждены георгиевскими медалями, а их портреты поместили в парадном зале императорского дворца в Гельсингфорсе[9].

Депутаты сейма в Борго, ссылаясь на разорение страны и на колоссальную убыль населения, просили освободить княжество Финляндию на 50 лет от набора войск. Правительство России вполне устраивала демилитаризация только

[7] *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 94.

[8] *Бородкин М.М.* Война 1854–1855 гг. на Финском побережье. Исторический очерк. СПб., 1904. С. 329–331; *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Александра II. СПб., 1908. С. 14–17.

[9] *Клинге М.* Имперская Финляндия. С. 195–197.

что завоеванного края, и манифестом от 15 (27) марта 1810 г. Александр I фактически объявил о ликвидации финской армии. Царь повелел «оставить поселенные войска в тогдашнем их устройстве, не требуя их на действительную службу, пока обстоятельства это позволяют и пока благосостояние края не изгладит следов войны».

Этнические финны и проживавшие к востоку от Ботнического залива шведы составляли значительную часть шведской армии. В 1808–1809 гг. под знамена Густава IV Финляндия поставила около 20 тыс. человек[10]. Подавляющее большинство призывалось по системе, называвшейся по-шведски «индельта» (поселенные войска), которая сменила рекрутчину еще в последней четверти XVII в. Несколько крестьянских хозяйств обеспечивали содержание одного солдата, который в мирное время проживал в своем доме и трудился на предоставленной ему земле, или был на положении наемного работника[11]. Жители прибрежных районов на тех же условиях формировали экипажи гребного флота[12].

До Крымской войны поселенные батальоны фактически оставались на бумаге. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. были собраны все девять поселенных батальонов численностью около 7 тыс. штыков[13]. При мобилизации возникла неожиданная проблема: за полвека «история и практика созыва войск настолько забылась, что о них заспорили сами финляндские власти и учреждения»[14]. После ухода флота союзников из Балтийского моря поселенные батальоны перевели «на мирное положение», что означало фактически полную демобилизацию. В конце 1857 г. произошло сокращение их списочного состава до 3620 человек. Во время военной тревоги 1863 г. Александр II провел смотр поселенных батальонов, напомнив тем самым о необходимости для финляндцев вносить свой вклад в дело обороны границ империи[15]. Сухопутные поселенные батальоны были окончательно упразднены только в 1867 г. К этому времени в них состояло всего 700 человек[16]. Следует учитывать и то обстоятельство, что в Финляндии в период с 1810 по 1855 и с 1867 по 1881 г. существовала практика выплаты денежного налога взамен отбывания воинской повинности натурой. Казна получала полную стоимость содержания солдата[17]. Эти средства могли расходоваться и расходовались на содержание так называемых «вербованных» войск.

---

[10] *Screen J.E.O.* The Army in Finland. During the lst Decades of Swedish Rule. 1770–1809. Helsinky, 2007. P. 35.

[11] ВСОРИ. Т. 1. Ч. 8. Вазаская губерния. СПб., 1851. С. 41.

[12] *Screen J.E.O.* The Army in Finland. P. 31.

[13] ПСЗ II. № 28384.

[14] *Бородкин М.М.* Война 1854–1855 гг. С. 72.

[15] *Клинге М.* Имперская Финляндия... С. 243.

[16] *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Александра II. С. 211.

[17] *Бородкин М.М.* Война 1854–1855 гг. С. 76.

Кроме поселенных батальонов на территории Финляндии до 1809 г. формировалось несколько частей методом «вольного найма». Разорение страны во время войны 1808–1809 гг. привело к появлению массы бездомных дезертиров из шведской армии. Не у дел оказались сотни солдат, служивших ранее в полках по найму и не имевших собственности, а также навыков и склонности к производительному труду[18]. Поскольку именно такие элементы провоцировали народные волнения, русские власти применили испытанный прием «социальной зачистки» — всех «праздношатающихся» переловили и сформировали из них 6 егерских батальонов. Эти части, игравшие по сути роль учреждений социальной защиты, постоянно уменьшались в своем составе, и в 1830 г. их остатки были окончательно распущены[19]. В 1809 г. были изданы распоряжения по формированию 1-го Финляндского, Свеаборгского и Аландского полков, а также Гангеудского гарнизонного батальона, причем первый полк должен был комплектоваться не рекрутами, а «вербовочными людьми из новоприобретенной Финляндии». Однако из-за нехватки желающих служить эти части не были сформированы[20].

В 1812 г. население Финляндии равнодушно отнеслось к воззваниям о вступлении в армию, несмотря на предоставление различных льгот. Найм шел вяло. Фактически во всей Финляндии желающих служить оказалось столько же, сколько в столице империи, где удалось навербовать из финнов целую роту[21]. Сравнительно легко прошел набор в Выборгской губернии, где население за 90 лет успело привыкнуть к рекрутчине[22]. С большим трудом удалось собрать два полка (2400 человек), причем офицеры наотрез отказались командовать по-русски[23]. В марте 1813 г. один из этих полков, Выборгский, расквартировали в столице. Состояние части ужаснуло начальство: непривычные бытовые условия и пища, строгости гарнизонной жизни вызвали массовые заболевания и столь же массовое дезертирство. Соблазны большого города в сочетании с особым составом части (в основном — завербовавшиеся люмпены) породили повальное пьянство и нарушения дисциплины. Офицеры полка были шокированы дороговизной петербургской жизни, строгими правилами службы и едва ли не поголовно попросились в отставку[24].

Важным вкладом Великого княжества в военную систему империи был Финский стрелковый батальон, включенный в состав гвардии в 1829 г. (сформирован под названием Учебный финский батальон в 1819 г.). Финляндские

[18] *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Александра I. С. 426.

[19] *Ордин К.* Покорение Финляндии. СПб., 1889. Т. 2. С. 431–432.

[20] *Бородкин М.* История Финляндии. Время Александра I. С. 422.

[21] Там же. С. 423.

[22] Там же. С. 438–442.

[23] Там же. С. 443.

[24] Там же. С. 442–446.

стрелки-гвардейцы участвовали в Польской кампании 1831 г. и в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.[25] В боевом отношении эта часть составляла ничтожную долю вооруженных сил России, но играла значительную символическую роль, демонстрируя «присутствие» финнов в военной машине империи.

Во время Крымской войны более 4500 финляндцев завербовались в егерские батальоны и в так называемое «Морское ополчение». Сбор последнего прошел активно, поскольку из-за «стеснения морской торговли» множество матросов и шкиперов оказалось не у дел[26].

На финское население территорий, отторгнутых от Швеции в 1721 и 1743 гг., распространялась рекрутская повинность. Но ее перенос на всё Великое княжество не представлялся возможным, хотя этот вопрос неоднократно поднимался в первой половине XIX в. В Петербурге понимали, что первому набору финнов должны были предшествовать масштабные и явно непопулярные социальные реформы. Рекрутчина требовала существования определенных механизмов, которые были в русской деревне, но не всегда присутствовали в инородческой среде. Кроме того, о распределении уроженцев края по русским частям не могло быть и речи, а формирование национально однородных частей после польского восстания 1831 г. выглядело опасным делом.

Воинскую повинность в Финляндии 1809–1881 гг. можно называть символической, поскольку даже служившие в поселенных батальонах практически не отрывались от своих мирных занятий. В боевых действиях под знаменами империи участвовал только Гвардейский батальон.

Российское правительство сохранило поселенные войска, не имея возможности предложить новым подданным что-то другое: возврат к рекрутчине был немыслим, вербовка была слишком дорога для казны, а о всеобщей воинской повинности до середины XIX в. в Петербурге даже не задумывались. Унификация правил службы для финляндцев автоматически означала покушение на особый статус края в составе империи, способствовала росту антирусских настроений. Сама индельта имела множество нюансов и предполагала развитую систему урегулирования спорных вопросов, отторгавшую бесцеремонное давление власти, имея в своей основе договор крестьянских обществ с короной. В 1788–1789 гг. Густаву III не удалось во время войны с Россией принудить крестьян выставить дополнительных резервистов. Королю приходилось убеждать сословия в необходимости увеличить армию за счет экстраординарных мер[27].

В традиционной для Финляндии схеме комплектования войск служба была не принудительной, а добровольной. И в поселенные, и в вербованные полки люди шли по собственной охоте. Почти все они являлись социальными аутсайдерами или маргиналами с девиантными формами поведения. О боевых

[25] *Венд А.* Хронологический очерк участия лейб-гвардии 3-го Финского стрелкового батальона в кампании против турок. 1877–1878. Гельсингфорс, 1881.

[26] *Бородкин М.М.* Война 1854–1855 гг. С. 54–55.

[27] Шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1906. Ч. 1. С. 84–88.

качествах как вербованных, так и поселенных батальонов существуют противоречивые сведения. Полки Карла XII, Фредерика I, Густава III не уступали рекрутированным и наемным полкам других государств. В полевых сражениях 1808–1809 гг., судя по реляциям, шведские солдаты и офицеры вели себя достойно. В то же время в шведских официальных документах регулярно одной из главных причин сдачи Свеаборга и Свартгольма называлась плохая подготовка солдат[28].

В работах офицеров Генерального штаба в середине XIX в. сложились некоторые устойчивые представления о «природных» качествах различных народов. «Военные этнографы» отмечали, что финляндцы — хорошие солдаты: «Летописи Тридцатилетней войны свидетельствуют о храбрости финна, а последние столетия подтверждают это свидетельство... Он говорит медленно и обдуманно... работа его добросовестна, прочна и надежна. Он нелегко воспламеняется гневом, но раздраженный однажды, нередко выходит из границ». Их дисциплинированность, крепкое здоровье, охотничьи навыки с лихвой искупали отсутствие столь любимой офицерами бойкости. К этому добавлялась меткая стрельба, умелые действия в зимних условиях и на пересеченной местности[29].

При формировании пополнения для военно-морского флота правительство резонно полагало наиболее подходящим для того жителей тех районов, где рыболовство и судоходство (хотя бы речное) являлось основным занятием населения. Мнение об особой пригодности финляндцев к службе во флоте нашло свое отражение в манифесте от 1 октября 1809 г. «О заключении мира между Россией и Швецией», где было сказано, что с включением земель, населенных рыбаками и мореходами, «...воинское наше морское ополчение приобрящет новые силы»[30]. Это в целом соответствовало действительности. Адмирал Д. И. Кузнецов писал в своих мемуарах, что во время плавания русской эскадры в 1846 г. Северное море сделалось «кладбищем русских экипажей», тогда как на кораблях «Лейпциг» и «Мельпомена», укомплектованных финнами, не было ни одного цинготного[31]. Это мнение в совокупности с растущим недоверием к национальным армиям привело к тому, что в 1830 г. Николай I повелел упразднить два финских стрелковых батальона и сформировать вместо них вербовкой 1-й Финский экипаж[32].

Людские ресурсы Финляндии попробовали использовать, разрешив в 1831 г. найм ее уроженцев в рекруты[33]. Многочисленные возникшие при этом злоупо-

[28] Шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1905. Приложение к Ч. II. С. 153, 155, 156.

[29] ВСОРИ. Т. 1. Ч. 3. СПб., 1851. С. 42–43.

[30] ПСЗ I. № 23883.

[31] К биографии адмирала Д.И. Кузнецова. Собственноручная приписка адмирала Дмитрия Ивановича Кузнецова к своему послужному списку // Море и его жизнь. 1903. № 1. С. 36.

[32] *Бородкин М.* История Финляндии. Время Николая I. С. 260.

[33] ПСЗ II. Т. 6. № 4280; 4327.

требления (поставка негодных, взаимные претензии по платежам, побеги завербованных) власти попытались пресечь с помощью подробных инструкций (16 марта 1831 и 31 июля 1831 г.), но потерпели неудачу[34]. С помощью различных махинаций мошенники зарабатывали до 2500 рублей на каждом финском рекруте. Образовался даже своеобразный отхожий промысел: финляндский обыватель нанимался, получал аванс, скрывался, нанимался снова в другом «обществе», и так продолжалось до его ареста. Всех поступивших в рекруты уроженцев Великого княжества Финляндского закон предписывал направлять в Балтийский флот «по способности их к мореходству»[35]. Это было подарком судьбы для многих финнов: они бежали с кораблей во время стоянок в финских портах, а также из Кронштадта по льду залива[36]. В феврале 1833 г. Николай I своим указом запретил найм финнов, который к тому времени был уже закреплен в параграфе 305-м Рекрутского устава 1831 г.[37] Неудача с затеей вербовать финнов в русские полки объяснялась тем, что этих наемников не приписывали к общине нанимателя[38], что было нормой при наборах в России. Это изменение, продиктованное разницей в социальном устройстве Финляндии и России, привело к тому, что схемы поставки «наемников», опробованные многолетней практикой, оказались недейственными.

Новый этап использования людских ресурсов Финляндии начался с принятием Закона о всеобщей воинской повинности, который в «финской редакции» довольно сильно отличался от «общероссийской». Следует сказать, что на христиан Кавказа повинность распространили только в конце 1880-х гг., а мусульманам Кавказа, Средней Азии и Сибири призыв вообще заменили специальным налогом. По Закону о воинской повинности от 27 декабря 1878 г., введенному в действие с 1 января 1881 г., были сформированы девять Финских стрелковых батальонов и Финский драгунский полк. Они образовали особую структуру, официально именовавшуюся «Финские войска» со своей системой комплектации, управления, снабжения и судопроизводства. Проблемы управления финскими войсками, существовавшие в первой половине XIX в., не исчезли и после 1881 г. Более того, они обострились из-за того, что в отличие от поселенных батальонов, существовавших фактически только на бумаге, стрелковые являлись полнокровными частями. Следствием этого была неизбежная обширная переписка по строевым и хозяйственным вопросам. Поскольку император был главой вооруженных сил России, финские войска находились в полном ведении центральной власти, однако на практике картина была более сложной. По военным вопросам финские батальоны подчинялись военному министру,

[34] ПСЗ II. № 4429; 4733.

[35] ПСЗ II. № 4726, 28 июля 1831 года; № 4471.

[36] *Бородкин М.* История Финляндии. Время Николая I. С. 76–78.

[37] ПСЗ II. Т. 8. № 5984; 4677.

[38] ПСЗ II. № 4677. 28 июня 1831 года. Рекрутский устав. § 305.

действовавшему через штаб Санкт-Петербургского военного округа и через Главное управление военно-учебных заведений (по Финскому кадетскому корпусу). При решении административных и финансовых вопросов главными фигурами становились статс-секретарь по Финляндским делам и Финляндский генерал-губернатор (последний был начальником Финляндского военного округа). При этом генерал-губернатор действовал как через подчиненные ему структуры (штаб финской армии и штаб генерал-губернатора по военной части), так и через Хозяйственное отделение Сената Финляндии, где имелся военный департамент. Рабочим органом департамента был военный комиссариат. Делопроизводство по инспекторской (кадровой) и строевой части велось на русском, а по части хозяйственной — на шведском языке. Инспекторские смотры финских войск проводились согласно шведским королевским инструкциям 1794 и 1798 гг., а содержались части за счет специального милиционного фонда, который образовывался за счет дохода от казенных земель. Особое положение финских войск подчеркивалось существованием особого финского судебного военного законодательства и своего военного суда.

В мирное время финские войска насчитывали около 6 тыс. человек, при мобилизации их численность удваивалась. Всех, кто не попадал по жребию на действительную службу, распределяли по 22-м резервным ротам, где они числились и проходили обучение на военных сборах (6 недель в первый год, 4 — во второй и 2 — в третий год после жеребьевки). «Резервисты» Финляндии являлись аналогом российских «государственных ополченцев», чья боевая подготовка не выдерживала никакой критики. Но поскольку в Финляндии ружейная охота и стрельба была популярны, резервисты, имея за плечами всего 3 месяца учебных сборов, поражали мишени нисколько не хуже, чем солдаты. Это служило одним из козырей финляндцев в их полемике с русскими изданиями, обвинявшими автономию в «паразитизме», в уклонении от равных расходов на защиту Российской империи[39]. Даже публицисты «Московских ведомостей», будучи ярыми противниками «особой» финской армии, не могли оспорить высокую боеспособность финских резервистов[40]. По мнению военного министра А. Н. Куропаткина, Финляндия могла в начале 1900 г. выставить около 100 тыс. человек, обученных военному делу[41].

Александр III, посетивший лагерь в Лаппеенранте в августе 1885 г., остался очень доволен видом финских солдат[42]. Офицер лейб-гвардии Драгунского полка, принимавший участие в маневрах финских батальонов в 1888 г., отмечал в своих записках, что в Финляндии русских принимали радушно, но «как гостей

[39] Московские ведомости. 1894. № 57, 66.

[40] Московские ведомости. 1894. № 79. 21 марта.

[41] *Куропаткин А.Н.* Задачи русской армии. Т. 1. Задачи армии по объединению русского племени и выходу к морям: Каспийскому, Балтийскому и Черному. СПб., 1910. С. 396.

[42] *Клинге М.* Имперская Финляндия... С. 348.

иностранной державы»[43]. То же самое отметил корреспондент «Наблюдателя» в 1895 г., добавив, что «финны, говорящие по-русски, видимо воздерживаются от употребления этого языка; изучение его не поощряется ничем и никем»[44]. Журналисты, описывавшие жизнь Красносельского военного лагеря в 1893 г., отмечали отчужденность финских солдат и офицеров от русских[45]. До 1893 г. финские и русские войска устраивали летние лагеря в разных местах, причем ярыми сторонниками раздельного летнего обучения были финские власти. Первый и последний общий летний сбор 1893 г. в Вильманстранде ознаменовался большим конфузом — массовой дракой русских и финских солдат, только своевременное вмешательство командиров с обеих сторон исключило применение огнестрельного оружия и многочисленных жертв[46].

Если боевые качества финских войск ни у кого не вызывали нареканий, то в их «надежность», т. е. в готовность в любом случае исполнять приказы командиров, военная верхушка России верила всё менее и менее. В глазах правительства финские войска стали одним из проявлений сепаратизма, и поводов для этого оказалось предостаточно.

В 1810 г. в докладе Комиссии финляндских дел национальное войско рассматривалось как нравственный гарант прав и свобод нации: «Горсть людей, конечно, не может помешать завоеванию, но, тем не менее, она имеет настолько значение, что власть, которая распоряжается и предписывает законы, бережно обращается даже с небольшой страной, коль скоро ее народ оживлен чувством сохранения своей конституционной свободы и своей независимости»[47].

Когда началась разработка положения о всеобщей воинской повинности, шла борьба между сторонниками унификации норм и теми, кто полагал необходимым учитывать «местные особенности». Военный министр Д. А. Милютин принадлежал к числу первых. Он считал: «...никакая часть государства не может иметь своей политики внешней, так же как и своей отдельной вооруженной силы. Немыслимо предоставить Финляндии особое управление иностранными делами и иметь своих дипломатических агентов. Точно так же не следовало бы, кажется, предоставлять ей иметь свою армию»[48].

По мнению Милютина, национальные войска Финляндии могли существовать при соблюдении следующих условий: 1) они должны «находиться в заведывании» военного министерства и военно-окружного управления;

[43] *Ковалевский В.А.* Командировка дивизиона лейб-драгун в Финляндию в Вильманстранд в лагерь финских войск в 1888 году // Русская старина. 1910. № 7. С. 82.

[44] Финляндская окраина России: Сборник статей. Очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого Финляндского вопроса. М., 1897. Вып. 3. С. 319.

[45] Финляндская окраина России. М., 1894. Вып. 2. С. 563.

[46] Московские ведомости. 1893. № 213. 5 августа.

[47] Цит. по: *Бородкин М.* История Финляндии. Время Александра I. С. 450–451.

[48] Сборник материалов по составлению и пересмотру Устава о воинской повинности в Финляндии. СПб., 1899. С. 1.

2) все чины подлежали общему военному судопроизводству; 3) русские офицеры без каких-либо ограничений поступали на службу в финские войска; 4) финские части имели общее вооружение, снаряжение и командный язык (русский); 5) войска могли употребляться как в пределах империи, так и за границей «по высочайшему благоусмотрению». Военный министр был против создания особой финской армии[49].

Но финская сторона придерживалась иной точки зрения. Допускалась возможность несовпадения интересов Российской империи в целом и Финляндии и вовлечения последней в войну, которая не нужна ее народу. Заявления подобного рода являлись покушением на священные права самодержца в вопросах объявления войны и заключения мира, создавали нетерпимый прецедент существования «особого» мнения какой-то части империи в области внешней политики. Имели место даже претензии на право объявлять Финляндию нейтральной в случае столкновения России с другими державами.

Следствием того, что проблемы, которые решала Россия на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке или даже в Европе за пределами северной Балтики, объявлялись чуждыми Финляндии, было требование не посылать финнов служить вне ее границ. Третьим важнейшим пунктом было положение о службе граждан княжества исключительно в финских войсках, поскольку в противном случае они могли оказаться втянуты в боевые действия, не отвечавшие интересам их «настоящего отечества».

Сюда же можно отнести и настойчивость финнов в доказательстве того, что их войска не являются частью российской армии, а представляют собой формирования, подчиняющиеся лично императору как персоне, на которую возложена корона великого князя Финляндского.

Движение за создание национальной армии началось в 1859 г. публикациями в газетах, печатавшихся на шведском языке. Тогда же прозвучали первые требования введения финского командного языка. В 1863 г. был поднят вопрос об отделении финского военного ведомства от российского, что выглядело особенно тревожно для Петербурга на фоне претензий на нейтралитет во время войны и на особый коммерческий флаг[50]. Всё это открыто провозглашалось на заседаниях финского сейма, один из депутатов которого заявил в 1863 г.: «Если бы было установлено, что Финляндия против ее воли не будет вовлечена в войну, которая ведется в чужих интересах, а не ее собственных, если б она была уверена, что ее войска не будут употреблены в чужих странах, и, если бы, наконец, не было сомнения в том, что миссия финской армии заключается лишь в защите нейтральной области Финляндии, тогда симпатии к войскам были бы совсем иные, чем теперь, и край наверное готов был бы на бо'льшие жертвы для ее содержания»[51].

[49] *Бородкин М.* История Финляндии. Время Александра II. С. 378–380.

[50] Там же. С. 211.

[51] Там же. С. 212.

По мнению Н. И. Бобрикова, «сепаратизм, пренебрежение к России и финский узкий патриотизм росли в Финляндии вместе с увеличением их войска... История Польши, имевшей свою армию, показала уже, насколько опасно предоставлять инородческому элементу развивать в своей среде обособленную военную силу»[52].

Финские патриоты считали армию обязательным атрибутом суверенного государства. Один из видных политиков, Л. Михелин на сейме в 1878 г. заявил: «Я не думаю, чтобы кто-либо мог ожидать, что к тому, которого можно назвать безоружным и покровительствуемым, будут относиться с таким же уважением, как если бы он был вооруженным союзником. Наше положение в союзе (с Россией. — *В.Л.*) мало-помалу приобретает беспристрастную и разумную оценку; мы должны предъявить на прочном основании стоящее требование, чтобы со стороны другого государства (конечно, России) не допускалось никакого вмешательства в наше внутреннее прогрессивное шествие. Безоружность не дает ясности; она, напротив того, есть заслоняющая тень вокруг прав Финляндского государства»[53]. О том же говорили и российские националисты: «У финских войск оказались свои многочисленные учреждения, своя присяга, свои традиции и никакой духовной связи с русской армией, никаких общих с нею задач и заветов. Россию они защищать не желали, Финляндию отстоять не могли. Их наличность давала только основание говорить об атрибуте мнимого финляндского государства»[54]. Положение, по которому уроженцы княжества служили исключительно в финских войсках, состав которых был ограничен, неизбежно привело к тому, что воинская повинность на территории этой автономии была значительно легче, чем в целом по империи. В 1881–1901 гг. на действительную службу призывалось 0,25 % населения княжества. В России этот показатель равнялся 0,75–1,0 % населения[55]. Таким образом, чтобы «уравняться» по тяжести воинской повинности до общеимперского уровня, финны должны были почти вчетверо увеличить свою армию[56]. Поскольку финансирование финских войск осуществлялось за счет местной казны, автоматически понижался уровень военных расходов. Если на каждую душу в империи в 1900 г. таковых приходилось 2 рубля 52 копейки, то в Финляндии — только 72 копейки[57]. В 1882–1891 гг. из числа «освидетельствованных», т. е. признанных годными к службе, было призвано в армию от 6,4 до 11,2 % (средний — 9,2 %). Те же показатели применительно к России в целом составили соответственно 34,6—46,6 % (средний — 37,6 %). Среднегодовой процент не явившихся

[52] Цит. по: *Каменский Н.* Современное положение Финляндии. СПб., 1908. С. 53.

[53] Цит. по: *Федоров Е.* Ук. соч. С. 73.

[54] Финляндская окраина в составе русского государства. Изд. 2-е. СПб., 1910. С. 73.

[55] *Screen J.E.O.* The Finnish Army. 1881–1901. Training the Rifle Battalions. Helsinki, 1996. P. 8, 12.

[56] Там же. P. 18–19.

[57] Там же. P. 18.

на службу в Финляндии составил 8,4%, в России — 3,3%. Российские врачи находили в среднем 28% призывников негодными к службе, а их финские коллеги освобождали от армии 53,2% новобранцев. Основанием при этом иногда служили такие «заболевания», как некрасивая внешность или потливость ног. Всё это облегчало воинскую повинность финляндцев по сравнению с остальной империей примерно в пять раз[58].

В 1893 г. ежегодный набор в армию было решено увеличить с 5600 до 20 000 человек. С одной стороны, это было «торжество справедливости» — финны уравнивались в тяжести повинности с остальным населением империи. С другой стороны, это была завуалированная атака на «особость» финских войск. Главное здесь заключалось не в очередной демонстрации того, что вооруженные силы Великого княжества находятся в полной зависимости от императора. Поскольку увеличение числа стрелковых батальонов не предусматривалось, образовывался значительный излишек новобранцев, который Николай II повелел «переводить внутрь империи». Это означало отрицание важнейшего принципа существования финских войск[59].

Военный министр П.С. Ванновский в своем докладе по Главному Штабу от 14 ноября 1898 г. откровенно заявил о необходимости подвергать предложения Финского сейма по поводу закона о воинской повинности оценке «специально-военной, а также с русской точки зрения»[60]. Наступление на права автономной Финляндии не случайно началось в военной области. Правительство предложило сейму отказаться от существования «отдельного» войска, довести набор до общероссийского уровня и направлять финских призывников в русские части. Появившийся вслед за тем манифест от 3 (15) февраля 1899 г. об основных положениях издания общегосударственных законов фактически упразднял финляндскую конституцию, поскольку превращал сейм в совещательный орган. Пытаясь избежать прямого столкновения с центральным правительством, депутаты сейма предложили компромиссный вариант, предусматривавший увеличение призыва в княжестве и, соответственно, численности финских войск.

Проект военного министра вместе с мнением сейма поступил на обсуждение в Государственный совет, большинство в котором высказалось против проекта, но Николай II утвердил мнение меньшинства. Новый устав, не имевший никаких существенных отличий от «общероссийского», был утвержден в 1901 г. Финские стрелковые батальоны были распущены. В качестве временной меры призыв уменьшили до размеров, необходимых для пополнения Финского драгунского полка и Лейб-гвардии Финского стрелкового батальона. Однако вскоре первую часть также пришлось расформировать по «политическим» соображениям: офицеры части отказались присягать по новой форме,

[58] *Крицкий П.* Всеобщая воинская повинность в Великом княжестве Финляндском за десятилетие с 1882 по 1892 г. // Военный сборник. 1899. № 6. С. 314–319.

[59] *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии. Л., 1982. С. 50.

[60] Сборник материалов... С. 60.

где не упоминалась обязанность защищать основные законы, т. е. финляндскую конституцию[61].

Осенью 1901 г., воспользовавшись конфликтом в Драгунском полку, власти вынудили его командира подать в отставку, после чего рапорта об увольнении представили остальные офицеры части. 24 ноября 1901 г. полк был упразднен. В июне 1903 г. прекратили свое существование финляндский кригскомиссариат и милиционная экспедиция Сената, а месяц спустя — Фридрихсгамский кадетский корпус. После упразднения финских войск в 1901 г. в качестве «компенсации» в великое княжество дополнительно ввели стрелковую бригаду (около 5 тыс. штыков) и две казачьи сотни[62].

Военная реформа была радикальной лишь в политическом смысле. Самодержавие нанесло мощный удар по позициям строителей независимого государства, но почти не затронуло насущные интересы народа. Страсти по военному вопросу кипели в основном в пределах сравнительного узкого круга политически активных граждан[63]. В 1901–1903 гг. наблюдалось быстрое сокращение контингента новобранцев (соответственно 500, 280 и 190 человек). В 1904 г. личная воинская повинность граждан автономии вообще была ликвидирована, вместо нее княжество вносило 10 млн марок нового налога[64]. В марте 1905 г. применение устава 1901 г. для Финляндии было приостановлено, а 22 октября 1905 г. — отменено. В 1910 г. П. А. Столыпин предложил ввести на территории великого княжества воинскую повинность в полном объеме. Противником этого выступил военный министр Сухомлинов. По его мнению, в русской армии и без того было много инородцев. Военное же обучение населения, политические взгляды которого не соответствуют видам правительства, в министерстве считали опасным делом[65]. 10 января 1912 г. натуральная воинская повинность была заменена особым налогом.

Фактическая отмена воинской повинности на территории Великого княжества Финляндского привела к активизации разного рода военизированных организаций, ставивших своей задачей тотальную военную подготовку населения. Природные условия края как нельзя лучше соответствовали методам партизанских действий и потому активисты этих организаций основной упор сделали на стрелковой подготовке. Одним из главных действующих лиц здесь оказался отставной генерал русской службы Шауман — отец Е. Шаумана,

[61] *Игельстром А.* Недержавные национальности и первые этапы национального строительства. Финляндия // Формы национального движения: Сб. ст. под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 645–646.

[62] *Screen J.E.O.*The Finnish Army. 1881–1901. Training the Rifle Battalions. Helsinki, 1996. P. 33–34.

[63] *Игельстром А.* Недержавные национальности... С. 649.

[64] *Ошеров Е.Б., Суни Л.В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986. С. 49–50.

[65] РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 498. Л. 2–4, 15–16.

застрелившего генерал-губернатора Бобрикова. Он составил подробную инструкцию по стрелковому делу, не упустив из виду даже устройство стрельбища и стоимость боеприпасов. Генерал Шауман писал: «После того как оружие ныне отобрано у нашего народа, для нас является настоятельной необходимостью приложить все усилия к тому, чтобы мы не могли в один день стать, без всякой защиты, легкой добычей врага»[66].

Один из важных подходов к проблеме использования в военных целях людских ресурсов Российской империи — рассмотрение ситуации через «географическую призму». Характер взаимоотношений населения по обе стороны границы, возможность внешнего влияния на потенциальных мятежников и сепаратистов, положение той или иной этнической (конфессиональной) общности на военно-стратегических картах — всё это влияло на использование людских ресурсов национальных окраин в имперских целях.

Главной военно-стратегической проблемой на Балтике являлась близость столицы империи к государственной границе, и естественным способом ее решения выглядело отодвигание границы от Санкт-Петербурга на возможно большее расстояние. Присоединение Эстляндии и Лифляндии в 1721 г. исключило возможность удара по Петербургу с этого направления. Оставались еще два вероятных пути для неприятельских сил — по суше через Карельский перешеек и по воде — высадка десанта на побережье Финского залива. Взгляд на географическую карту давал, казалось бы, простой ответ на вопрос, как исключить первый вариант: следовало присоединить Финляндию. Не случайно, что еще в XVIII в. различные государственные деятели России считали такой шаг очень полезным в военно-стратегическом отношении[67]. В отечественной историографии укоренились представления о Финляндии как об удобном плацдарме для нападения на Россию[68]. Финляндские историки также сходятся во мнении, что продвижение границы Российской империи до Ботнического залива объяснялось стремлением упрочить безопасность столицы[69].

Однако детальная оценка военных реалий заставляет сомневаться в большой стратегической значимости такого шага. Движение и снабжение крупных воинских соединений между Ботническим и Финским заливами крайне затруднялось отсутствием хороших дорог, множеством естественных препятствий, ограниченностью местных продовольственных ресурсов, прекращением навигации на восточной Балтике на 4–5 зимних месяцев[70]. Природные препятствия были усилены «твердынями» искусственными. В одном из писем,

[66] Цит. по: *Федоров Е.* Подготовка Финляндской революции. 1899–1905. СПб., 1907. С. 55.

[67] *Каменский Н.* Современное положение Финляндии. СПб., 1908. С. 10.

[68] *Зеленева И.В.* Геополитика и геостратегия России. XVIII — первая половина XIX века. СПб., 2005. С. 99–100.

[69] *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 16, 37; См.: ВСОРИ. Т. 1. Ч. 1–8. СПб., 1848–1851.

[70] См. ВСОРИ. Т. 1. Ч. 1–8. СПб., 1848–1851.

отправленных Петром из Выборга после его взятия, говорилось: «И тако чрез взятие сего города конечное безопасение Санкт-Петербургу получено»[71]. Действительно, шведы пытались нанести удар по Петербургу и Кронштадту только в 1703 и 1704 гг., когда рубежом была река Сестра. Даже в начале XX в. бывший начальник береговой и морской обороны Свеаборга, генерал-майор А. М. Витмер полагал, что укрепленный рубеж по линии Кексгольм–Выборг надежно прикрывал столицу. После русско-шведской войны 1741–1743 гг. граница отодвинулась на запад еще на несколько десятков километров до реки Кюммене. Основу нового рубежа составляли крепости Роченсальм, Кюмень-город, Фридрихсгам, Вильманстранд, Нейшлот, форты Утти, Давыдов, Озерный и Керн[72], которые в сочетании с ранее существовавшими оборонительными комплексами превращали марш неприятельских войск на Петербург через Карельский перешеек в нечто фантастическое. В 1788 г. шведские военачальники планировали рискованную десантную операцию на южном побережье Финского залива, хотя могли двигаться на Петербург через Карельский перешеек. Эта попытка нанести удар по столице Российской империи, минуя карельские крепости, леса и болота, напугала правительство и резко усилила желание отодвинуть границу подальше[73], что и было сделано в 1809 г.

Повышение безопасности Петербурга с присоединением Финляндии — вопрос дискуссионный. По мнению генерала Витмера, «более чем вероятное превосходство» на море позволяло будущему противнику высаживаться в любом пункте Балтийского побережья, и в этой связи странно было бы предполагать высадку неприятельских войск в западной части Финляндии с последующим их движением на восток. Наиболее удобным местом для вражеского десанта генерал называл Биорке-Зунд (совр. Приморск), откуда до северных окраин Петербурга оставалось всего 3–4 перехода[74]. То, что неприятельские войска будут высаживаться на ближайших подступах к Петербургу, полагали и другие военные специалисты[75].

В 1811 г. земли, отторгнутые от Швеции в 1721 и 1743 гг., были включены в состав Великого княжества Финляндского. Это обострило вопрос о политической благонадежности автономии и о степени ее самостоятельности: новая граница оказалась всего в 30 километрах, т. е. именно там, откуда в самом начале Северной войны шведы атаковали только что заложенные Петербург

[71] *Евреинов Г.А.* Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политической программы. СПб., 1908. С. 72.

[72] *Назаренко К.Б., Смирнов В.И.* Полевые укрепления первой половины XVIII века на Карельском перешейке // Цитадель. 1998. № 1 (6).

[73] *Храповицкий А.В.* Дневник. 1782–1793. СПб., 1874. С. 92, 97, 108.

[74] *Витмер А.М.* Военные порты Финского побережья и Черного моря. Стратегический обзор. СПб., 1913. С. 3–4.

[75] *Золотарев А.М.* Военно-статистический очерк Финляндии. СПб., 1890. С. III. Паг. 1-я; С. 92–93. Паг. 2-я.

и Кронштадт. Теоретически финляндцы могли разрешить силам некой антироссийской коалиции высадиться на своей территории в том же Биорке-Зунде, но враги России могли это легко сделать и без чьего-либо разрешения. Следует заметить, что в фокусе внимания всегда оказывался северный берег Финского залива, а не южный, представлявший не менее удобств для высадки. Это — следствие политизации военно-стратегической ситуации. Еще раз повторяем: к 1809 г. прорыв неприятельской армии по суше через Карельский перешеек был практически неисполнимым предприятием. Гораздо более вероятным вариантом была высадка экспедиционного корпуса в нескольких переходах от Петербурга. Это могло быть осуществлено вне зависимости от того, кто контролирует Финляндию.

Примечательно, что в 1913 г. командующий Петербургским военным округом, великий князь Николай Николаевич высказывался о необходимости выделения из состава Финляндии всей Выборгской губернии, отмечая, что, «получив по р. Кюмени естественную линию обороны с запада, на севере эта мера отдаст в наши руки выход на Сайменскую систему, обладание которой, как показала военная история, дает господство над всей внутренней частью края»[76]. Таким образом, в начале XX в. Финляндия могла стать плацдармом для нападения на Россию только в воспаленном уме штабных офицеров.

Финляндия превращалась в театр военных действий только в случае вступления Швеции в войну на стороне Германии или Англии. Это обстоятельство заостряло вопрос о надежности частей, укомплектованных местными уроженцами: их командный состав был почти сплошь шведским, а в некоторых частях по-шведски говорила и почти половина солдат. В начале XIX в. комиссия сейма в Борго считала, что при войне со Швецией нельзя было бы выставить финское войско, поскольку «едва ли он (финский народ. — *В.Л.*) пойдет с оружием в руках на своих собратьев»[77].

Политическая культура высшей российской бюрократии предполагала признание агентурным любого антиправительственного выступления. В данном случае в представлении Петербурга нити «заговора» тянулись в столицы враждебных держав. Обвинения финляндских патриотов в их ангажированности, распространенные в российской проправительственной и националистической печати, сами стали чем-то аксиоматичным при составлении военных планов. Симпатии финляндских деятелей к Швеции и Германии во второй половине XIX — начале XX в. усилиями патриотически настроенных русских журналистов представлялись свидетельством их готовности поднять восстание в тылу русской армии. Шведская и германская угроза Финляндии была излюбленной темой отечественных публицистов[78].

[76] http://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=ob_otdelenii_1913&lang=en (обращение 02.02.14).

[77] *Бородкин М.* История Финляндии. Время Александра I. С. 425.

[78] *Каменский Н.* Современное положение Финляндии. СПб., 1908. С. 20.

Вышеуказанные фобии имели еще одну военно-стратегическую причину. Манифест от 1 октября 1809 г. «О заключении мира между Россией и Швецией» обещал финскому народу, «бедствиями войны доселе почти непрерывно обуреваемому», пребывание в «тишине и безопасности»[79]. Однако, будучи континентальной державой, Россия не могла оградить от посягательств извне свои приморские окраины, поскольку для этого было необходимо иметь господство на море, немыслимое с точки зрения финансовых ресурсов империи. Создание сплошной линии обороны Финляндии силами армии оказывалось абсолютно невозможно, так как изрезанное заливами материковое финское побережье имело протяженность более 1200 км, а суммарная длина береговой линии островов вообще не поддавалась исчислению[80]. Одним из главных деяний Петра Великого традиционно считается создание военного флота и завоевание выхода к Балтийскому морю. Но появление у империи морских рубежей поставило ее перед новым вызовом — необходимостью их защищать. Империя Романовых никогда не имела достаточных ресурсов для одновременного создания сильного флота и сильной сухопутной армии.

В случае войны на Балтике Финляндия оказывалась одной из наиболее уязвимых частей России, поскольку бóльшая часть ее населения сосредотачивалась именно в прибрежных районах. Финны понимали, что их земли играли роль естественного щита для Санкт-Петербурга, что сухопутная армия не могла оградить их от бомбардировок с моря и налетов небольших десантных отрядов. Эти обстоятельства создавали предпосылки для стремления финнов к «нейтралитету» в случае европейской войны, и являлись неразрешимой проблемой для имперского центра. Неспособность защитить Финляндию от внешнего врага ставила Петербург в щекотливое положение при выдвижении требований к финнам «быть как все» в вопросах обороны империи. Стратегический выигрыш от продвижения границы империи до Ботнического залива не выглядит столь блестящим, как это кажется с первого взгляда.

Важность военно-стратегического фактора в развитии российско-финляндских отношений отмечалась в работах дореволюционных публицистов, военных, историков. Военный министр А. Н. Куропаткин очень боялся 100 тыс. финнов, которые могли двинуться на Петербург[81]. Публицист Н. Каменский без обиняков объяснил неприемлемость претензий финляндцев на расширение прав автономии: «Причины эти — чисто военные. Будь Финляндия расположена, положим, где-либо за Волгой, на Урале или в Алтайских горах, вопрос о предоставлении ей широких автономных прав и даже, может быть, особой государственности разрешался бы гораздо свободней». Он указывал на то, что Англия, предоставляя различные свободы своим далеким колониям, не хочет и слышать о независимой Ирландии. В Германии всё, что касается обороны, находится

[79] ПСЗ I. № 23883.

[80] *Бородкин М.М.* Война 1854–1855 гг. на Финском побережье. Исторический очерк. С. 230.

[81] *Клинге М.* Имперская Финляндия. С. 391.

под жестким контролем центрального правительства, при полном уважении к баварцам, саксонцам и гессенцам Вильгельм II не комплектует полки из эльзасцев или познанских поляков[82]. «Морская граница Финляндии должна быть и границей империи Российской, чем исключается для Финляндии самая возможность стать когда-либо государством независимым от России, состоящим с ней только в династической унии... Стратегическое значение Финляндии исключает всякую возможность существования на этой окраине независимой военной силы... При этих условиях само собой понятно, что финляндские офицеры должны основательно знать русский язык и командные слова должны быть русские», — писал в 1908 г. известный журналист Г. А. Евреинов[83].

Самым существенным вкладом Финляндии в вооруженные силы Российской империи были офицеры — уроженцы этого региона. В период шведского владычества командный состав получал особые поместья — бостели (bostall), освобожденные от всех налогов. При отставке или смерти владельца поместье сохранялось еще в течение года, а затем выкупалось казной или преемником, выкупная сумма составляла пенсию отставника. Подобная система содержания офицерского корпуса способствовала занятию офицерских должностей богатыми людьми, стимулировала наследственность военной службы[84]. Чтобы стать офицером в шведской армии, надо было прослужить несколько месяцев солдатом, а потом сдать экзамен, ставший во второй половине XVIII в. простой формальностью, поскольку главное значение для производства в офицеры имели связи[85]. Важную роль играло и материальное состояние человека, поскольку командные должности, благодаря праву досрочной передачи прав на бостель, превратились в ходовой товар[86]. В начале XIX в. бостели обер-офицеров стали сдавать в аренду, а вырученные средства стали выплачивать в виде жалования[87]. После 1809 г. бостели превратились в наследуемые поместья, что было своеобразным подарком русских царей своим новым подданным.

Всего в 1809–1917 гг. русский офицерский мундир носили около 4000 уроженцев Финляндии (из них около 400 — во флоте). В 1890 г. из 330 финляндцев, находившихся на службе в российских вооруженных силах, 28 были генералами и адмиралами, еще 23 были командирами отдельных частей и крупных кораблей. 14,5 % уроженцев великого княжества занимали видные посты в армии и на флоте[88].

[82] *Каменский Н.* Современное положение Финляндии. СПб., 1908. С. 2–3, 52.

[83] *Евреинов Г.А.* Национальные вопросы... С. 71, 78.

[84] *Ордин К.Ф.* Покорение Финляндии. СПб., 1889. С. 106–108.

[85] Шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1906. Ч. 1. С. 187.

[86] *Бородкин М.* История Финляндии. Время Александра I. С. 66–67.

[87] Шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1906. Ч. 1. С. 84.

[88] Финляндская окраина России: Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого Финляндского вопроса. М., 1891. Вып. 1. С. 173.

В начале 1850-х гг. в императорских вооруженных силах служило около 800 финляндцев, 500 — в начале 1870-х гг. и около 450 — к 1900 г. Такое заметное сокращение объясняется двумя причинами: во-первых, развитие страны предоставляло всё большему числу молодых людей возможность достойных занятий за пределами военной сферы (гражданское управление, юриспруденция, медицина, образование, наука, бизнес, искусство и т. д.). Во-вторых, усиление националистических настроений в финском обществе, причем среди тех его слоев, которые в основном поставляли юнкеров и кадетов, не могло не сказаться на популярности службы в рядах царской армии. После 1901 г. финляндцы, выбиравшие для себя военную карьеру, явно шли против течения[89].

Начиная с XVII в. офицерский корпус финских войск составляли представители местной элиты, говорящей по-шведски — большей частью дворяне. В последней четверти XIX в. картина стала меняться в связи с радикальными изменениями в сфере образования: в 1880 г. в Великом княжестве существовало 4 финских гимназии (787 учеников) и 10 шведских (1773 ученика). В 1900 г. здесь было 15 финских и 8 шведских средних учебных заведений (соответственно 3472 и 1454 ученика). Поскольку дипломы являлись ключом к офицерскому чину, всё большее число этнических финнов благодаря льготам для образованных людей производилось в обер-офицеры[90].

Образованные круги Финляндии и в том числе офицеры составили основу сепаратистов — сторонников получения независимости или присоединения к России[91]. Местная элита имела давнюю традицию военной службы, и роспуск финской армии после 1809 г. означал для нее существенное сокращение как сферы применения своих сил, так и средств к существованию. Фактическое отсутствие собственной армии до 1881 г. стало причиной того, что офицеры — уроженцы Великого княжества служили в войсках по всей территории России, тем более, что это полностью соответствовало имперской традиции привлечения на службу нерусских элементов, особенно в офицерский корпус[92].

О стремлении правительства привлекать финляндскую элиту к военной службе говорит то, что уроженцам этой автономии резервировались места в престижных учебных заведениях, в том числе — в Морском и в Пажеском корпусах[93]. Кроме того, имели место разного рода «послабления» при поступлении финляндцев на службу на «правах дворянства»[94].

[89] *Screen J.E.O.* The Helsinki Yunker School. 1846–1879. A Case Study of Officer Training in the Russian Army. Helsinki, 1986. P. 30.

[90] Ibid. P. 80–81.

[91] *Лайдинен Э.П.* Финская разведка против Советской России. Петрозаводск, 2004. С. 98–100.

[92] *Screen J.E.O.* The Helsinki Yunker School... P. 29–30.

[93] ПСЗ II. Т. 30. № 29824; 39941.

[94] ПСЗ II. Т. 29. № 28028.

России не удалось увеличить свой военный потенциал «пропорционально» тому приросту населения, который имел место при включении Великого княжества Финляндского в состав империи. До второй половины XIX в. традиционные формы воинской повинности (индельта и вербовка) противоречили практике комплектования войск рядовым составом. Введение же рекрутчины было невозможно, поскольку совершенно противоречило социокультурным реалиям края.

Переход к всесословной воинской повинности в начале 1870-х гг. поставил перед правительством целый ряд новых вопросов, связанных с комплектованием войск на национальных окраинах. В Финляндии главную проблему составлял принцип службы граждан княжества исключительно на территории автономии и только в составе особых финских войск. Ранее существовавшие вербованные и поселенные части были малочисленны, к тому же боеспособность последних всеми признавалась ничтожной. Эти войска ни в коей мере не могли составить конкуренцию русским гарнизонам, расквартированным в важнейших пунктах княжества. Новая форма призыва при сохранении вышеуказанного принципа неминуемо создавала на северо-западной окраине империи особую армию, внушительную как по численности, так и по боеспособности. Ситуация осложнялась тем, что Финляндия к тому времени вышла из того состояния, которое называли «спящая автономия». Конфликт между имперским центром и элитой великого княжества медленно, но неуклонно обострялся. Вопрос о существовании особых финских войск обеими сторонами рассматривался как вопрос о политическом статусе края.

Практически все вопросы назначения, организации и комплектования финских войск, правила службы, финансирование и т. д. были в той или иной мере политизированы. По страницам нормативных военных документов проходил фронт борьбы между патриотами-финнами, стоявшими на защите прав автономии или боровшимися за независимость с одной стороны, и правительством, стремившимся к унификации, и как следствие — к сужению автономии Финляндии — с другой. Обе стороны придавали большое значение как фактической, так и символической стороне дела.

Во второй половине XIX в. в финляндском обществе стали нарастать антироссийские настроения. Конфликты между российскими военными и населением края получали широкое освещение в прессе, что в свою очередь подталкивало правительство к ответным конфронтационным шагам. Всё это в совокупности с неблагоприятным «историческим наследием» способствовало росту сомнений в лояльности финляндцев, что оказывало огромное влияние на позицию властей в «военном вопросе».

Дополнительную сложность создавала особая военно-стратегическая ситуация в Восточной Прибалтике (близость Санкт-Петербурга к границе, слабость России на море). Лояльность населения Финляндии в этой обстановке вызывала особые опасения, что неминуемо сказывалось на вопросе комплектования

войск рядовым составом. За весь век существования Великого княжества Финляндского войска этой автономии представляли политическую угрозу (по крайней мере, существовавшую в умах правительства).

Без особых проблем в имперских целях удалось использовать лишь тот контингент, который в дореволюционной России формировал командные кадры — лиц, поступавших на службу на правах дворянства. В России роль метрополии играла многонациональная элита, а роль колонии — всё остальное население, составлявшее империю.

Abstract

Vladimir V. Lapin. Finland in the Military System of Russia

Russia did not manage to use the manpower of its national outskirts in an effective way in the 18th — early 20th century. Political situation, national military tradition, strategic interests of «non-Russian territories», ideas of military leaders about aptitudes of different ethnic groups for military service — all these had influence with the intake. The article takes under consideration the reasons of the fact that joining Grand Duchy of Finland did in 1809 not lead to military potential increscent. Before 1860-s Finland preserved the inherited from «Sweden times» system of intake, which was impossible to change for general for Russia recruitment because of a number of political and social reasons. Nine infantry battalions existed in fact just on paper and in 1867 were finally eliminated. In 1880–1890-s the so called Finnish troops were formed. They were untaken on the basis of compulsory universal military obligation. Practically all questions of assignment, organization, recruitment of Finnish troops, rules of service there, finance were more or less politicized. On the pages of governing documents (regulations, test of oath, instructions etc.). Finnish patriots, who aimed to defend the rights of autonomy or claim for independence, struggled against the government which intended to unification and so — to limit Finnish autonomy. Finally Finnish troops were recognized as not just ineffective for the military power of the empire, but also as creating a potential threat. At the turn of 19–20th centuries this military structure was eliminated. Additional reason for this decision was the specific military-geographical position of Finland estimated from the point of view of the capital safety.

Key words: Russian Empire army, Grand Duchy of Finland, armed forces recruitment, national question.

References

Borodkin M. Istoriâ Finlândii. Vremâ Aleksandra I. SPb., 1909.

Borodkin M. Istoriâ Finlândii. Vremâ Nikolaâ I. SPb., 1915.

Borodkin M. M. Vojna 1854–1855 gg. na Finskom poberež'e. Istoričeskij očerk. SPb., 1904.

Borodkin M. M. Istoriâ Finlândii. Vremâ Aleksandra II. SPb., 1908.

Vend A. Hronologičeskij očerk učastiâ lejb-gvardii 3-go Finskogo strelkovogo batal'ona v kampanii protiv turok. 1877–1878. Gel'singfors, 1881.

Evreinov G. A. Nacional'nye voprosy na inorodčeskih okrainah Rossii. Shema političeskoj programmy. SPb., 1908.

Igel'strom A. Nederžavnye nacional'nosti i pervye ètapy nacional'nogo stroitel'stva. Finlândiâ // Formy nacional'nogo dviženiâ: Sb. st. / Pod red. A. I. Kastelânskogo. SPb., 1910.

Kovalevskij V. A. Komandirovka diviziona lejb-dragun v Finlândiû v Vil'manstrand v lager' finskih vojsk v 1888 godu // Russkaâ starina. 1910. № 7.

Krickij P. Vseobŝaâ voinskaâ povinnost' v Velikom knâžestve Finlândskom za desâtiletie s 1882 po 1892 g. // Voennyj sbornik. 1899. № 6.

Kuropatkin A. N. Zadači russkoj armii. T. 1. Zadači armii po objedineniû russkogo plemeni i vyhodu k morâm: Kaspijskomu, Baltijskomu i Černomu. SPb., 1910.

Kuvaâ H. Russkie idut! Povedenie russkih vojsk v otnošenii mirnogo naseleniâ vo vremâ zavoevaniâ Finlândii v 1713–1715 gg. // Rossiâ i Finlândiâ: problemy vzaimovospriâtiâ XVII–XX vv.: Materialy rossijsko-finlândskih simpoziumov istorikov. M., 2006.

Klinge M. Imperskaâ Finlândiâ. SPb., 2005.

Medvedev A. I. Voenno-statističeskoe obozrenie pograničnyh teatrov. Kurs staršego klassa Nikolaevskoj Akademii General'nogo Štaba. SPb., 1908. Vyp. 1.

Nazarenko K. B., Smirnov V. I. Polevye ukrepleniâ pervoj poloviny XVIII veka na karel'skom perešejke // Citadel'. 1998. № 1 (6).

Ordin K. Pokorenie Finlândii. SPb., 1889. T. 2.

Screen J. E. O. The Army in Finland. During the last Decades of Swedish Rule. 1770–1809. Helsinky, 2007.

Suni L. V. Samoderžavie i obŝestvenno-političeskoe razvitie Finlândii. L., 1982.

Zeleneva I. V. Geopolitika i geostrategiâ Rossii. XVIII — pervaâ polovina XIX veka. SPb., 2005.

Zolotarev A. M. Voenno-statističeskij očerk Finlândii. SPb., 1890.